

УДК 821. 161.1.

Жигалова Мария Петровна
Профессор кафедры белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета, г. Брест, Беларусь
zhygalova@mail.ru

МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на примере стихотворений В. Гришковца)

Аннотация: Автор статьи, исследуя феномен русскоязычной литературы Брестчины, отмечает сосуществование и взаимодействие в ее рамках нескольких языковых систем, ряда ментальностей, их традиций и множество этнических кодов, отразивших ситуацию полилога культур, а также демонстрирует особенности такого поликультурного взаимодействия. На примерах анализа фрагментов отдельных стихотворений В. Гришковца показано, как взаимодействуют разные культуры и этносы, как отражается в них менталитет и ментальность, национальное и общечеловеческое.

Ключевые слова: Менталитет, исторический контекст, поликультурный, духовный мир, лирический герой, мультикультурный социум.

Zhygalova Maria
Professor, Department of Russian and Belarusian Literature, Brest State Technical University, Brest, Belarus

MENTALITY IN LANGUAGE AND FIGURATIVE SYSTEM OF THE ART WORK (ON THE EXAMPLE OF V. GRISHKOVETS' POEMS)

Abstract: Investigating the phenomenon of the Russian language literature of Brestchina, the author of the article marks the coexistence and interaction of several language systems, mentalities, traditions and a set of the ethnic codes in its frameworks reflecting the sociocultural situation in the region. The specific features of such multicultural interaction are demonstrated. On the examples of the analysis of some V. Grishkovets' poems it is shown, how different cultures and ethnos interact, how mentality is reflected in them, national and universal.

Keywords: Mentality, historical context, multicultural, spiritual world, the lyrical hero, multicultural society.

Важнейшей функцией литературы является способность построения коммуникативного моста между разными народами, ибо произведения, проникая в сознание читателя, способны повлиять не только на формирование его мировоззрения, но и на жизненную позицию, направленную на консолидацию общества. Эта проблема становится особенно значимой, когда речь идет о мультикультурном социуме пограничья, каким и является Брестчина. И в этой связи обратимся к русскоязычной литературе региона, которая привносит значимый элемент в развитие этнической культуры.

Особое внимание обратим на отражение менталитета и ментальности, национального и общечеловеческого в литературе. При этом отметим, что говорить о данной проблеме можно в двух аспектах: в широком, подразумевая связь этой литературной традиции с традициями мировой литературы и самой реальностью ее отражения в творчестве художников слова; и в узком, предполагающем интерпретацию и анализ национального и общечеловеческого аспектов в отдельных ее произведениях.

Прежде чем обратиться к отдельным авторам и произведениям, заметим, что в опыте отражения менталитета и ментальности, национального и инонационального в русскоязычной литературе Брестчины очевидно влияние еще и исторического контекста, так как история Брестчины изначально мультикультурная уже потому, что в разные времена ею владели многие государства мира. Так, «почти 170 лет (с 980г – по 1150г.) Брестчина принадлежала Киевской Руси, 216 лет (с 1150 по 1366г.) – Волынскому и Галицко-Волынскому княжеству, потом Королевству, 203 года (с 1366 по 1569г) – Великому Княжеству Литовскому, 206 лет (1569–1795г.) – Речи Посполитой обоих народов, 120 лет (1795–1915) – России, 9 месяцев (09.1915 по 05.1916г.) – Австро-Венгрии, 14 месяцев (05. 1916 по 12.11. 1918) – Германии, 1 год (1918-1919) – Украинской Народной Республике, 19 лет (1920–1939) – Польше, в общей сложности около 50 лет – СССР (из них с 1941 по 1944 – Германии). И только с 1991 года Республика Беларусь стала самостоятельным и независимым государством» [1, с. 8–9]. Поэтому за многие годы существования люди здесь научились жить в мультикультурном пространстве, когда каждый народ, остававшийся здесь на постоянное жительство после определенных исторических событий, привносил в общую пограничную симбиотическую полиэтническую культуру свои традиции и нравы, одновременно заимствуя, обогащая и уважая чужие.

Соответственно, опыт отражения менталитета и ментальности, национального и общечеловеческого в литературе региона происходит в силу двух причин. Во-первых, русскоязычная литература, находясь в пространстве исторически сформировавшегося поликультурного менталитета, по сути, реконструирует как русскую, белорусскую, так и польскую, украинскую культуры, и даже создает некую наднациональную идеологию, свой специфический мультикультурный код, своеобразный многонациональный миф, «апеллируя, прежде всего, к глубинным пластам национального архетипического свойства [5, с. 8]. Заметим, что в творческом багаже практически каждого поэта и писателя имеются, с одной стороны, сакрализованные исторические сюжеты как ритуально проинтерпретированные социально-этнические кризисы белорусской социокультурной традиции, а, с другой стороны, широко представлены традиции разных культур и их взаимодействие.

Во-вторых, художники слова, представители литературной Брестчины как пограничного белорусско-польского региона, испытывали всегда явное затруднение с собственным национально-культурным самоопределением. Подобное затруднение вряд ли можно однозначно назвать недостатком, поскольку длительные и безуспешные поиски этой самоидентификации были неизбежны. Уже начиная с XVII века, в белорусской культуре оформилась определенная дихотомия: высший слой, пользуясь польским языком, развивал свою культурную традицию с акцентом на метрапольную культуру и восприятие через нее общеевропейских духовных ценностей. В результате возникал специфический симбиоз парадигмы польской культуры (как внешнего оформления) и белорусской ментальности (как внутреннего содержания). Одновременно с этим на Брестчине существовала и существует по сегодняшний день автохтонная сельская (народная) культура, которая вбирала в себя элементы многих соседних культур. Поэтому поиски национальной самотождественности авторами происходили как на базе своей этнической культуры, так и других культур, которые тоже уже были понятны и близки им.

Таким образом, исследуя феномен русскоязычной литературы Брестчины, можно отметить сосуществование и взаимодействие в его рамках нескольких языковых систем, ряда ментальностей, их традиций и множество этнических кодов, отразивших ситуацию полилога культур. А это значит, что такую литературу по праву можно назвать феноменальной, интегративной, ибо она демонстрирует читателю особенности поликультурного взаимодействия. Именно таким образом на Брестчине сегодня мирно сосуществуют, обогащая друг друга, разные культуры и этносы. Неудивительно, что национальное и общечеловеческое так отчетливо проявляется в произведениях современных русскоязычных художников слова: Л. Красевской, В. Гришковца, Н. Ковалевича и др.

Обратимся лишь к отдельным стихотворениям В. Гришковца [3, с. 92–106], которые отражают обозначенную проблему. Следует отметить, что в его книге «Белой вежи свет» нашло отражение творчество более ста белорусских поэтов Берестейщины, включающей и современных русскоязычных поэтов. Он с выразительным индивидуально-авторским стилем создал такие поэтические сборники, как «Время отправления» (1981), «Круг аистиный» (1991), «Белые мосты» (2004), книгу переводов «Белой вежи свет» (2010). Особенно ярко авторское мировидение белорусской ментальности, национального и общечеловеческого проявляется в тематике и проблематике его творчества. Так в сборнике «Белые мосты», в стихотворениях, как-то: «Не помню, что было. Не знаю, что будет...», «Приходил, а дверь не открывали...», «Прощанье белоруса с Кремлем», «Ветер», «По жизни шел я, словно через реку...» и др. – Гришковец говорит о многоликом независимом характере и противоречивом мировоззрении жителей Брестчины, соединивших судьбы

и темпераменты многих этносов и народов. В стихотворении «Славянская задравная» поэт прослеживает тернистый путь не только родного Полесья, но и тот, который прошли все славяне, живущие ныне в Украине, России, Беларуси. Путь, который был и останется для каждого общим, единым, объединенным вопреки всему «родной землей» и тем «горьким хлебом», который доводилось вкушать славянам на протяжении многих столетий.

В. Гришковец рассуждает и о поликультурных браках, задумывается и о своих корнях, родителях, роде... В стихотворениях «Что же было в отце моем русского?», «Что русского было в батьке моем?» поэт пытается отыскать в себе те черты характера, которые унаследовал от русского отца, и которые всегда составляли основу характера славянина – как русского, так и белоруса, украинца... Он указывает на необыкновенное трудолюбие, физическую и духовную красоту славян, их природный ум и бесхитрость, на абсолютное доверие к людям и честность, искренность, открытость и справедливость, на их бескорыстность, на выносливость и терпение, на умение веселиться и способность рассуждать о жизни.

Лирический герой В. Гришковца – личность драматическая. Он устал от поиска счастья и смысла жизни, от поисков себя в этом безбрежном мире и живет в постоянном беспокойстве и сумятице, живет как бы на распутье..., в вечных поисках чего-то недостижимого и им самим даже неопределенного и непонятого... Его герой то романтик-оптимист, то безнадежный пессимист, испытывающий щемящую ностальгию. То гордый и независимый, то безвольно плывущий по волнам жизни. То он искренний и чистый, то опустившийся на дно жизни. То святой, исповедующий одну только правду, то кающийся грешник, думающий о пережитом и желающий его изменить.

Лирический герой мечется в поисках ответа на вечные вопросы бытия, понимая, что общечеловеческие качества, такие как искренность отношений, верность в дружбе и любви, умение поддержать человека в трудную минуту, будут всегда востребованы обществом..., а потому, не находя себе ни оправдания, ни успокоения, боится быть непонятым людьми. Его утешает лишь родительский дом, где всегда ему открыты двери. Поэтому так часто звучит в сборнике «Белые мосты» мотив сыновней любви, мысль о прощении, о теплоте человеческих отношений. Мать для него не только самый родной человек, с кем можно разделить свои радости и огорчения, она – его опора, надежда, спасение, придающая силы в минуты душевной тревоги. Отцу обязан он всей жизнью, потому что благодаря ему и стал честным человеком.

В творчестве уже зрелого поэта лирический герой научился ценить жизнь, понимать ее значимость. Он умеет держать слово и делать дело. В стихотворениях «Молитва вероотступника», «Понять, принять и

полюбить...» лирический герой просит у Бога «дольше продлить» его жизнь, хоть и не совсем праведную, обещая измениться, чтобы уже с возрастом дальше жить с Богом в душе: «чтоб слово – дело, дело – слово».

Главным мотивом поэзии является горькая, исповедальная самооценка. Валерию Гришковцу важно «понять, принять и полюбить, // В себе самом открыть другого». Неслучайно, для лирического героя становится более необходимой и важной саморефлексия, желание запечатлеть в первую очередь свои сердечные переживания, а не кого-то другого. Это и понятно, потому что самое сложное в жизни каждого человека – познать и понять себя, свои желания и помыслы, определить свои приоритеты и цели, пути их достижения, ибо понять другого всегда проще. Поэт уверен, что достичь этого можно только живя в ладу с верой, с благими помыслами. И тогда становится понятной формула жизни В. Гришковца – «возлюбить Бога, как самого себя» – вот цель и путь к гармонии не только с окружающими, но, в первую очередь, путь к гармонии с самим собой.

Примечательно, что поэт, как истинный христианин, видит смысл жизни в следовании христианским заповедям. Его стихи о скоротечности жизни очень серьезны и правдивы. А пессимистические настроения лирического героя о несправедливо прожитой жизни сменяются мыслями об истинной ценности самой жизни. Говоря словами И. Бунина, «жизнь – прекрасна, даже если она ужасна». И потому, наверное, лирический герой В. Гришковца понимает, что жизненный пессимизм у всякого живущего на Земле происходит оттого, что цель не достигается никогда, потому что за ней, как за горизонтом – уже новый, другой горизонт. Да и вблизи наша цель выглядит иногда совсем не так привлекательно как издали, когда она еще неясно различима. Лирический герой понимает, что именно к неясно различимым целям так страстно устремляются люди и народы... И чем взрослее человек, тем яснее он понимает, что главное не цель, а тот путь, который к ней должен пройти человек. Но на этом пути часто теряется столько, что и цель не стоит того, чтобы так безудержно гнаться за ней. Но главное здесь то, что человек к концу пути приходит совсем иным и понимает, что ему уже не нужно то, за чем он так стремительно гнался..., а нужно лишь успеть научиться главному – жить по совести и правде, вовремя передать эти качества молодому поколению. В этом автор видит смысл и значимость существования человека в Мироздании.

Духовный мир лирического героя – богат и противоречив, но в нем доминирует безграничная щедрость, высокая требовательность к себе и другим, непримиримость ко лжи и несправедливости.

В творчестве поэта ментальное и общечеловеческое проявилось и в нравственно-философской лирике. Лирический герой обеспокоен моральной деградацией общества, принятием безнравственности как нормы поведения и, что еще страшнее, как образца для подражания. В.

Гришковец говорит о философии жизни, ее вечности и неизменности, а иногда и парадоксальности. Лирический герой стихотворения «Я не верю, что белое – черное...» не хочет верить, что «белое – черное», что «наглое – значит смелое», но действительность жестока и диктует другое, убеждая в том, что очень часто в жизни «печален дел добрых удел»:

И не верю, что черное – белое,
Что дурак, очуняя, поумнел...
Как прискорбно, что наглое – смелое
И печален дел добрых удел.

Вместе с тем, художник слова утверждает, что все люди – «подобие Творца», хотя и грешники, потому что в грехе зачаты, с грехом идут по жизни и грех передают по наследству. Он предостерегает читателя от того, чтобы греховность не стала нормой поведения человека. Может быть, потому лирический герой разочарован и не верит в то, что человека можно изменить. Поэтому первая и последняя строфа звучат в унисон, образуя рефрен. Заметим, что здесь автор использует своеобразную игру понятий. Говоря о неспособности современного технологизированного мира к позитивным духовно-ценностным переменам, автор с горечью замечает, что в современной жизни произошла подмена парадигм, жизненно важных ориентиров, когда наглость воспринимается как проявление смелости, а добрые дела вызывают негодование у толпы, зависть и потому желание очернить само дело и его автора. Иногда же в угоду мнению толпы добрые дела остаются просто специально незамеченными и игнорируемыми, не нужными, специально фальсифицируемыми. Мир, в котором «дурак, становясь в позу умного», имеет право «вещать истину», «резать ребром», где стакан поднимают одновременно и за здоровье, и за упокой... абсурден и недолговечен, ибо сам уничтожит себя своей безнравственностью.

Невольно читатель задается вопросом: «Что же это за мир, в котором здоровье – смерть, а жизнь – инобытие?» [4, с. 123]. Такой мир ужасен. Поэтому В. Гришковец пытается разбудить сознание читателя, воззвать его к самоанализу, к здоровой мысли и делу, способному улучшить нравственную сущность человека. Лирический герой уверен в том, что подмена жизненных ориентиров, как страшный порок человечества, стала нормой нашего времени, подтверждающей парадоксальность жизни и зовущей к поиску путей оздоровления человеческой души. Это и есть тема стихотворения, которое полностью построено на контрастах, когда все воспринимается с точностью до «наоборот».

Ключевые и доминантные слова лишь подчеркивают это: «белое – черное», «дурак – поумнел», «печален – дел добрых удел», «наглое – смелое». Вероятно, художник слова рисует картину абсурда, то есть то, чего не должно быть. Но картина мира, нарисованная в стихотворении, к сожалению, – наша жизнь... А, значит, нет ничего более странного и

непонятного как для отдельного человека, так и человечества в целом, более алогичного, и в то же время, феноменального, чем наш мир, в котором человек все же должен оставаться добрым, отзывчивым и чутким, ибо даже в этом мире абсурда и парадокса общество обязано думать о вечном, о Человеке и будущем Мироздания.

Внутренняя антитеза, раскрывающая противоречия современности, проявляется и в композиции стихотворения. В первой строфе читаем: «знаю твердо, что вздорное – вздорное», а в последней строфе: «как прискорбно, что наглое – смелое». Заметим, что художнику слова больно от осознания этой простой истины, которая ведет общество к деградации, а мир к уничтожению. Для лирического героя В. Гришковца понимание алогичности жизни намного страшнее, чем жизнь в неведении. Может быть, поэтому лирический герой потрясен, растерян, и оттого он «усталый и злой». Его пугает то, что люди стали злыми, завистливыми, перестали быть искренними, что многие фальшивят в угоду кому-то или чему-то, часто играя роль, выгодную себе, а не делу именно сегодня, так как хотят сделать карьеру или добиться других высот, чаще всего материальных. И совсем не думают о деле, о том, как сделать мир лучше. Невольно вспоминаются слова М. Лермонтова: «Жалкий человек... / Под небом места много всем / Но беспрестанно и напрасно / Один враждует он / Зачем?»

И потому лирического героя страшит то, что «подлец в роли преданно-мудрого / Встал с открытым – он слушает – ртом». Ужасно не то, что подлещи и негодяи заслушиваются речами дурака, а то, что дураки уверены, что они – короли жизни. Поэтому и страшит лирического героя то обстоятельство, что жизнь дошла до таких пределов, что даже дураки понимают выгоду, таящуюся в умении прикидываться умными. А это уже абсурд, алогизм, парадокс. Оттого лирический герой «злой и усталый». Правда, он верит, что мир негодяев, творящих все в угоду своему Эго, все-таки должен измениться и стать способным к созидательному добру во имя сохранения вечных и непреходящих общечеловеческих ценностей.

Специфика тематики, проблематики предопределила и особенности лексики, морфологического и синтаксического строя стихотворения. Доминируют имена существительные с отрицательной коннотативной окраской («подлец», «дерзкое», «прискорбно»). Заметим, что эта окраска присутствует в их первичном значении, а значит, поэт не ищет новых значений у старых слов, он употребляет слова низкого стиля намеренно, демонстрируя, тем самым, открыто свое отношение к лирическому герою.

В синтаксисе стихотворения нет императивно-восклицательных предложений и фраз (за исключением, «он слушает!»), но от этого призывность произведения не становится ниже. Знание того, что художник слова не верит громким словам, а понимает истину жизни и говорит о ней убедительно, с экспрессией, действует на читателя лучше всякого призыва.

Сложность понимания темы стихотворения достигается и классическим размером – четырехстопным анапестом с чередованием мужской и женской рифмы.

Кажущаяся на первый взгляд простота изложения материала на самом деле парадоксальна, как и идея стихотворения: оказывается, никуда не скрывается порядочному человеку от абсурдности мира. Лирическому герою остается только научиться жить в этом мире, приспособиться, изменив свое отношение к нему, а может быть, чтобы выжить, и пойти на сделку с совестью. Но лирический герой не верит в такое «перерождение» человека. Он лишь убежден в том, что такую философию жизни, где основа – «наглое – смелое», нужно обязательно менять, ибо необратимые процессы, как в отдельно взятом государстве, так и в мире, будут неизбежны. Автор, кажется, призывает читателя осмыслить и понять простую формулу жизни «Человек! – Это звучит гордо!».

Как видим, творчество В. Гришковца отличается глубокой философией жизни, чувством единения славян, увлечением русской историей и культурой, пониманием ее значимости для каждого, гармонией того национального и общечеловеческого, без которого нет настоящего понимания жизни, потому что «все души говорят на одном языке».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гніламедаў, Ул. «Заставацца сабой...» / уклад. Мікола Мікуліч. – Мінск : Выдавецтва «Четыре четверти», 2012. – 574 с.
2. Гришковец, В. Ф. Белые мосты: стихи, рассказы, эссе, статьи, заметки / В. Ф. Гришковец. – Пинск : КУИП «Редакция газеты «Пінскі веснік». – 2004.
3. Жигалова, М. П. Этновitalность и мультикультурность в литературе: Интерпретация и анализ. Монография / М. П. Жигалова. – Саарбрюккен (Германия): LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CO.KG, 2012. – 305 с.
4. Русская литература в системе межкультурных коммуникаций XXI века: современное состояние и перспективы развития: коллективная монография. – Ташкент : GEO FAN POLIGRAF, 2013. – 200 с.
5. Сулова, Т. И. Общечеловеческое и национальное в культуре: вызов глобализации // Общечеловеческое и национальное в философии : II международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ. ред. И. И. Ивановой / Т. И. Сулова. – Бишкек, 2004. – С. 177–183.